

Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств

Работа посвящена исследованию народной традиции толкования сновидений. Большая часть снотолкований описывает значение зрительных образов. Однако помимо визуального канала восприятия в сновидениях могут быть задействованы все органы чувств: слух, обоняние, осязание, вкус. На примере записей интервью, сделанных в Полтавской области в 2012–2016 гг., в статье рассматриваются случаи, когда испытанные сновидцем ощущения определяют значение сна.

Ключевые слова: сон, сновидение, символика сновидений, толкование сновидений, интерпретация сновидений, «вещие сны», сонник.

Говоря о сновидениях, мы прежде всего имеем в виду визуальные образы: некие картины, проплывающие перед взором сновидца. Большая часть толкований «народного сонника», записанного исследователями (Е.Р. Романов, Е.А. Ляцкий, Н.Я. Никифоровский и др.), посвящена расшифровке именно зримых объектов (как отметила С. Небжеговска, «которые можно нарисовать»¹). Однако помимо визуального канала восприятия в сновидении задействованы все чувства: сновидец слышит звуки, ощущает вкус, запах, прикосновение, боль.

Поскольку снотолкования устроены так, что объектом интерпретации (как в сонниках, так и в нарративах) обычно выступают предметы и явления, значение ощущений зачастую теряется за их описанием: *колокол* понимается в первую очередь как объект, а не как звук; *сахар, соль, мед* – как пища, а не ее вкус; *лед, пожар, шипы* – как нечто зримое, а не чувства холода, тепла, боли, которыми может сопровождаться их видение. Может сложиться впечат-

ление, что испытанные во сне ощущения – это аморфные «приложения» к визуальным образам. В статье сделана попытка доказать обратное – возможность выделить ощущения сновидца как основу толкования сна.

Анализируя записи интервью, сделанные в 2012–2016 гг. в Полтавской области (г. Миргород, с. Любивицина, с. Зубовка), а также сопоставляя их с опубликованными текстами и материалами, хранящимися в архиве кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, можно выделить следующие объекты толкования, не относящиеся к визуальному ряду: звуки и речь, запахи и вкус, телесные ощущения. Рассмотрим их с точки зрения стоящих за ними семиотических кодов.

Акустический код

В «устном соннике» любые достаточно громкие и отчетливые шумы (выстрел, гром, музыка, пение птиц и др.) ассоциируются с похожими звуками наяву, в первую очередь – со звучанием человеческой речи. В подавляющем большинстве снотолкований акустические сигналы понимаются как метафора «говорения», вербального взаимодействия (беседа, ссора, укоры, жалобы), и шире – любого сообщения (новости), неважно, устного или письменного (телефонный звонок, телеграмма). Например: «Як музику услишиш шо грає, то якийсь слух почуєш, хтось тобі якийсь секрет розкаже» (ГОП); «Самолет єслі гуде – все равно звісточка якась буде» (КНИ). Рассмотрим, как это реализуется при толковании сна:

Девочке снится ручеек, вода в нем прозрачная, что камешки на дне видать, *а как журчит ручей!* На следующее утро к ним приехал отец, и так *хорошо, весело они с ним поговорили!* (курсив мой. – А. Л.)².

И.А. Разумова объясняет толкование сна, ссылаясь на формулу «ручей – речи». Однако это только одно из возможных значений сна о воде (см. «вода – беда», «чистая вода – слезы», «чистая вода – здоровье, очищение» и др.). Как видится, именно звуковое проявление приснившегося образа («как журчит ручей!») актуализирует такой вариант интерпретации («весело поговорили с отцом»). Вероятно, и сама формула «ручей – речи» основана не только на созвучии слов, но и на сопоставлении журчания льющейся воды с оживленной беседой («речь как реченька журчит»). Рассматривая другие записи «сонника» (например, «сено – к сварке», «снег – смех», «войско

видеть – кашель будет»³), можно предположить, что способность объектов издавать шум (шелест сена, хруст снега, топот марширующих солдат) может определять их значение (брань, смех, кашель).

Интерпретация акустических сигналов зависит также от контекста, в котором сновидец их слышал:

Соб.: А еще говорят, что свадьба если снится – это плохо.

Совсем плохо. Особенно, если еще и музыка играет. Это к похоронам – точно (КНИ).

В данном случае музыка осмысляется как атрибут праздника и веселья, традиционно трактуемых как предвестники беды. В соответствии с этой логикой смех во сне истолковывается как предсказание «плача» наяву, а пение может осмысляться как метафора голошения по покойнику⁴ (стоит заметить, что и в том и другом случае акустическое сходство более конкретизировано, нежели «звук – речь»). Кроме того, музыка на свадьбе (символизирующей погребальный обряд в снотолкованиях) может усиливать ее «сходство» с похоронами, ассоциируясь как с церковным отпеванием, так и с бытовавшей в советское время традицией провожать покойника с духовым оркестром.

Вербальный код

Среди звуков особое место занимает речь: высказывания и мысли сновидца, его диалоги с персонажами сна. Запомнившиеся фрагменты разговоров могут подвергаться расшифровке, при которой звучащие слова осмысляются так же, как называемые ими объекты. Пример этому мы находим в статье Н.Ю. Трушкиной, где упоминание прилагательного «земельный» в разговоре интерпретируется так же, как непосредственно сам образ земли⁵. В некоторых рассказах услышанные во сне слова истолковываются буквально:

У нас дядя Міша жив і заболів, стало йому плохо, одвезли у больницу. І мені снитися (та я маленька ще була), що приходить сусідка й каже: «Дядя Міша вмер». Во сне. Утром приходить ця сусідка і каже: «Дядя Міша вмер». Точно, слово в слово (ШЕН).

Особое место занимают слова приснившихся покойников, любая реплика которых семиотизируется: «Если снится человек из мертвых и говорит – то это предсказание стопроцентное» (Л)⁶.

Ольфакторный и вкусовой код

Ощущения запаха и вкуса связаны с определенным набором зрительных образов (пища, цветы). Как правило, вкусы и запахи, вызывающие отвращение и дискомфорт, интерпретируются отрицательно: «Допустим, ты кушаешь капусту, вона скисла, погана – то плохо» (ГОП); «Мне снилось испорченное мясо, которое воняет» [утром рассказчица заболела] (ЖГН). И наоборот – приятные вкусовые и обонятельные ощущения связываются с положительным прогнозом: «Если торт ты сладкий ешь – то хорошо» (ГОП). Рассмотрим запись снотолкования из работы Г.И. Берестнева:

У меня так: если я вижу мучное, печеное, и оно такое пышное, аппетитное, от него запах вкусный идет, а я его беру, откусываю... Это точно к добру⁷.

Хотя автор объясняет эту личную примету созвучием «сдоба – добро», здесь можно выделить и другие фонетические подобиya, с прямо противоположным смыслом: мучное – мучение, печеное – печаль (показательно, что сама респондентка не употребляет слова «сдоба»). Как видится, при понимании данного толкования было бы логичнее апеллировать к ощущениям, которые сновидица испытывает во время таких снов: аппетитный запах и вкус выпечки.

Ощущаемый запах цветов (помимо того, что он приятный) актуализирует еще одно их важное при толковании сна свойство – цветы «живые» (т. е. противопоставлены искусственным, ассоциирующимся с похоронами):

Мэни живи цветы – вообще прелесть. Особенно як пахнуть вонице, я чую запах – вообще прелесть (КНИ).

Соматический код

Надо сказать, что спектр физических ощущений, которые могут быть испытаны человеком во сне, довольно широк: это чувствование температуры и фактуры предметов, вестибулярные ощущения (чувство невесомости или тяжести), ощущение необычной затрудненности или легкости движений, желание удовлетворить физиологические потребности: голод, жажда, позывы к испражнению и т. д.

Наиболее интенсивным и значимым для толкования сна чувством является боль. Ощущение боли сопутствует сюжетам,

в которых сновидец получает какие-то телесные повреждения: выпадение зуба, рана, укус животного. Подобные сны обычно интерпретируются как предвестники негативных событий, а ощущение боли усиливает (актуализирует) их отрицательное значение. Например, выпавший с болью зуб предвещает смерть близкого человека, в то время как зуб, потерянный без боли, ассоциируется со смертью кого-то второстепенного для сновидца: дальнего родственника, соседа, знакомого⁸; «Як снитися, що собаки рвуть, не можеш втекти – то погано <...> А як кусає, а воно не болить – то нормально, то не страшно» (ПЕА). Испытанная во сне боль может ассоциироваться со страданием наяву:

Видит во сне: идёт она. Идёт и на ходу ей вскочила в рот пчела и ее больно ужалила. Она расстроилась и проснулась за этим, с этой боли. Прошло три года – вот, порвало девочку на минах. А... вот ей (матери. – М. Л.) было больно (тверск.)⁹.

Вероятно, толкование следующего сновидения также объясняется сходством переживаний: «Я чула, що снився жінці то лі огонь, то лі пожар – її током ударило, і вона померла» (ЕВС). Конечно, нам неизвестно, испытывала ли сновидица боль во сне, поскольку рассказ значительно редуцирован и ведется от третьего лица. Однако можно предположить, что сон про пожар был чем-то примечателен (возможно, наполнен ощущениями и эмоциями), иначе вряд ли он был бы рассказан, выделен и впоследствии связан (близкими сновидицы?) с произошедшим несчастным случаем, а тем более вышел бы за пределы семейного круга.

На основе подобия ощущений построен и другой вариант интерпретации пожара во сне: «пожар – летом к жаре, зимой – к морозу» (витеб.)¹⁰. Хотя вторая часть формулы (пожар – к морозу), на первый взгляд, сводима к принципу обратного толкования, тут скорее имеет место ассоциация по сходству (и жар, и мороз – интенсивные и дискомфортные для человека температурные ощущения), связанная с контекстом (зимой не бывает жары).

При этом чувство тепла, соотносимое с ощущением комфорта, понимается как хороший знак, противоположный ощущению холода:

[Респондентка, жительница с. Зубовки, закончила педагогический университет и хотела работать в своем родном селе. Но в местной школе не было мест, и рассказчица устроилась учителем в соседнее село – Малые Сорочинцы, которое находится на другом берегу реки. Зимой

респондентка добиралась до работы, переходя через замерзшую реку. И вот, в последних числах августа, перед началом учебного года, ей приснился сон.] Сниться мені вже ранком [утром], шо йду я на роботу сюди [в село Малые Сорочинцы], а зимовий період, я ходила сюди через... річка Хорол замерзала, і я прямо через лід ходила. А сниться мені в кінці августа (тридцятого чи тридцять першого августа), шо я йду через річку, доходжу до середини. Льод такий, льод, холодно і все. Доходжу серед річки і в річку провалююся. І така у мене думка, шо: «Куди ж мені ближче доплисти: чи до того села, де я працюю, Малі Сорочинці, чи до Зубівки, де я хочу робити (я тут живу)?» І я, вродє, розвертаюся, і така якась вода [нрзб.] приємна така, хороша. І я до цього берега прибиваюся [до берега села Зубовки]. Ну, пішла я на роботу, поїхала. Десь там [на роботі] така стара була жінчина, яка там працювала [работала]. Я прийшла і кажу: «Галина Васильєвна [нрзб.], такий сон приснився мені, – я кажу, – що шла по льоду і пройшлася отак». Вона каже: «Света, ти радій! Такий сон приснився: ти до берега прибилася до того, шо треба!» «І така вода, – кажу, – була приємна: тепла і світла». Вона каже: «Ось подивишся, шо буде». І третього (оце мені було десь тридцятого, тридцять першого серпня [августа]), а третього вересня [серпня] я вже сюди [в село Зубовку] прийшла на роботу. Внезапно: отак, тільки – раз! (КСИ).

В данном рассказе важно противопоставление: берег своего села – Зубовки и берег другого села – Малые Сорочинцы, куда сновидице приходится добираться на работу. Во сне женщина переходит покрытую льдом реку, что повторяет ее маршрут в реальности. Находясь на середине реки, сновидица проваливается под лед. После чего появляется мотив выбора («Куди ж мені ближче доплисти: чи до того села, де я працюю, Малі Сорочинці, чи до Зубівки?»), актуализирующий противоречие между желаемым и действительным. В итоге она плывет в направлении своего села и достигает берега («до берега прибилась до того, шо треба»), что связывается с появившейся возможностью устроиться там на работу. Таяние льда (твердого, неизменного), его превращение в текучую воду символизирует перемены в жизни рассказчицы. А то, что лед провалился внезапно, ассоциируется с быстротой и неожиданностью этих изменений: сон приснился в конце августа, а в первых числах сентября женщине предложили место в Зубовке («Внезапно: отак, тільки – раз!»).

Надо отметить, что такой способ толкования увиденных образов весьма оригинален. Проваливаться под лед во сне считается плохим знаком¹¹. Кроме того, треснувший лед напоминает сюжет сна о разрушающемся мосте, который интерпретировался всеми

опрошенными как предвестник неудач: «Шов, шов, а міст поломався – це тоже к несчастью» (ПЕА). Чем же тогда обусловлено такое оптимистическое толкование?

Обратим внимание на противопоставление воды («приятна, хороша, тепла») и холодного льда. В ходе сюжета чувство холода сменяется ощущением комфорта – таким образом, таяние льда во сне соотносится с переменами к лучшему в жизни:

За лід запомнила дуже, що лід розтавав у мене. Йшла по льоду, провалилася, а тоді вода – то до перемін, до кращого, до удачі. <...>

Соб.: Ну, а вообще, это хорошо или плохо – видеть во сне лед?

Погано. Як розтає вже він – тоді ото на краще. А то – *холодне, холодний* же він. *Відчуття* (курсив мой. – А. Л.).

Соб.: То есть что-то холодное – это плохо всегда?

Да, да, да. Плохо.

Важно добавить, что упоминание об ощущениях холода и тепла свидетельствует о яркости и реалистичности сна: ведь сновидец может созерцать лед и снег, но не чувствовать холода, так же как не чувствовать тепла, видя, например, огонь. Неудивительно, что рассказчица выделила этот сон как знаковый в своей жизни и несколько раз возвращалась к нему в ходе интервью. Аналогичное толкование холодной и теплой воды мы встречаем в другом нарративе:

А когда во сне вода, теплая, чистая течет – это неплохо. Перед тем, как ехать мне у Крым, вижу я – речка, широкая, тихая речка. И я плыву по этой речке – так легко на тот край переплыла <...> И вдруг через некоторое время приезжаю у Крым, мене деверь подвез на море. Когда вода холодная – это уже плохо (орловск.) (ЕМЕ) [АКФ МГУ].

Здесь также важно, что сновидице легко плыть, этот процесс доставляет ей удовольствие – такое же, как купаться в море (событие, которое, с точки зрения рассказчицы, предвещал сон). Сравним этот сюжет с другим нарративом:

Вода – всегда, это твердо знаю, это проблемы. Мне часто снится, что я карабкаюсь в воде, пытаюсь выплыть. И все такими бурными событиями. Обязательно по работе потом много мне сваливается проблем (ЛВ).

В обоих рассказах присутствует один и тот же зрительный образ – вода, в которой сновидец плывет. Однако ощущения сновидца

в обоих случаях разные: если в прошлых сюжетах говорилось о том, что плыть легко, приятно, то в сновидениях последней респондентки, наоборот, указывается на трудность плавания: «я карабкаюсь в воде, пытаюсь выплыть».

В связи с этим вспоминается другой мотив, в котором главным компонентом толкования, вероятно, служит чувство затрудненности движения. В славянской традиции существует формула «гора – горе», объяснение которой обычно исчерпывается указанием на звуковое сходство этих слов. Но в контексте рассмотренных примеров можно предположить, что связь по созвучию здесь не единственная (и, вероятно, не главная). Актуализация фонетического сходства коррелирует с другого рода связью: «тяжелый подъем на гору – трудности в жизни», где гора понимается как препятствие, которое сложно преодолеть. Этим может объясняться инверсия: хотя подъем наверх обычно осмысливается как позитивный знак, противоположный спуску («В мене, якщо мені присниться лестниця, і я вверх іду – в мене хороша торгівля. Тільки вниз піду – все, нема торгівлі», ГОП), подниматься на гору считается более негативным знаком, чем спускаться с горы или просто ее видеть во сне: «Вверх підніматься – це непогано. Желательно там удержатися, не скатитися вниз. Но якщо це гора... гора – горе, якщо ти лізеши на те горе, то спустишся уже краще вниз» (КНИ), «Висока гора – це горе. Якщо ти дрався на ту гору» (ПЕА). Подобная логика отражена в следующем нарративе:

А то было – у нас одна жэнціна утопылася. Пошла она замуж, но ево не любила <...> она устала утром, вышла с хаты и пошла. А он проснулса, видит – нету, и нету, и нету ее <...> Тут схватылыся усе люди, стали искать. И нашлы ее в рэчкы <...> А он говорит: «Я спал, и сница мне гара. И никак я не магу забраца – так тяжко, так тяжко» (курсив мой. – А. Л.) (брест.)¹².

Рассматривая эти примеры, мы видим, что во многих случаях ощущения могут определять оценку визуальных образов (толкование воды в зависимости от того, теплая она или холодная; толкование пищи исходя из ее вкуса); актуализировать один из вариантов их интерпретации (шум текущей воды может свести ее значение к формуле «река – речи»; ощущение запаха цветов – к толкованию «живые цветы – к счастью»), и даже выступать как отдельный, самостоятельный символ (неожиданный громкий звук – предвестник новости; услышанные или произнесенные слова – иносказательное или буквальное предсказание грядущих событий).

Основные принципы интерпретации испытанных во сне ощущений совпадают с логикой толкования визуальных образов, с той лишь разницей, что визуальный образ обычно ассоциируется с другим зримым (внешне похожим на него) объектом (например, «жемчуг – слезы», «полотно – дорога»), тогда как ощущение во сне связывается с чувством того же рода наяву: подобие звучания (шум – речь, смех – плач, плач – смех, пение – голошение, музыка – отпевание), сходство переживаний (боль во сне – страдания наяву; ощущение тяжести, затрудненности движения – препятствия, горе). Поскольку почти любое достаточно выраженное телесное, вкусовое и обонятельное ощущение можно определить как «приятное» или «неприятное», в основе их интерпретации лежит принцип оценки: противопоставление удовольствия и дискомфорта (тепло – холод, сладкое – горькое и т. д.). Отдельного внимания и более обширного исследования заслуживает проблема толкования высказываний сновидца и персонажей сна, которые, с одной стороны, могут подвергаться «расшифровке» (выступая в той же роли, что и обозначаемые ими визуальные объекты), с другой – интерпретироваться в рамках определенных клише (например, разговор с покойником).

Хотя информация, поступающая через зрительный канал восприятия, значительно преобладает над аудиальной, обонятельной, осязательной и кинестетической, нельзя сказать, что увиденный во сне образ важнее для толкователя, чем вербальный образ, акустический сигнал или телесное ощущение. И даже наоборот, будучи более редкими (и реже запоминаемыми), интенсивными (связанными с повышенной реалистичностью сновидения), «невизуальные» ощущения могут привлекать к себе особое внимание при толковании сна.

Список сокращений

ПМА – полевые материалы автора.

АКФ МГУ – архив кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Список информантов

ГОП – Гончар Ольга Петровна, 1939 г. р., г. Ивано-Франковск, г. Миргород, 2012 г.

КНИ – Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2013 г.

- ШЕН – Шимко Екатерина Николаевна, 1957 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2013 г.
- Л – Людмила, 1969 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2013 г.
- ЖГН – Жижка Галина Николаевна, 1952 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2012 г.
- ПЕА – Пронька Екатерина Александровна, 1953 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2012 г.
- ЕВС – Едчик Валентина Станиславовна, 1960 г. р., Полтавская обл., г. Миргород, 2015 г.
- КСИ – Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Зубовка Миргородского р-на Полтавской области, 2015 г.
- ЛВ – Людмила Викторовна, 1961 г. р., г. Луганск, г. Миргород, 2013 г.
- ЕМЕ – Егорова Мария Егоровна, 1929 г. р., с. Льгов Хотынецкого р-на Орловской обл., 1999 г. [АКФ МГУ т. 2. № 193].

Примечания

- ¹ *Niebzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1996. С. 26.
- ² *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 97.
- ³ *Романов Е.Р.* Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 56–59.
- ⁴ *Лазарева А.А.* Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2016. № 2. С. 40–43.
- ⁵ *Трушкина Н.Ю.* Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. С. 146.
- ⁶ См.: *Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре. М., 2016.
- ⁷ *Берестнев Г.И.* Лингвистика и толкование сновидений у К.Г. Юнга: открытие метода // Слово.ру: Балтийский акцент. 2015. № 1. С. 24.
- ⁸ *Лазарева А.А.* Выпавший зуб, упавший потолок и другие онирические сюжеты в рамках традиционных моделей толкования сновидений // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 90.
- ⁹ *Лурье М.Л.* Вещие сны и их толкование: На материале современной русской крестьянской традиции // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. С. 35.
- ¹⁰ *Романов Е.Р.* Указ. соч. С. 57.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 405.